

ДУХОВЕНСТВО И КЛЯУЗНИЧЕСТВО.

Трудно сказать, кто первый въ русской художественной литературѣ подмѣтилъ въ нашемъ духовенствѣ до болѣзненности развитую наклонность къ сутяжничеству, къ кляузничеству. Но для всякаго, даже не особенно усерднаго читателя, извѣстно, что эту наклонность съ большимъ искусствомъ подчеркивають и Гусевъ-Оренбургскій, и Елеонскій, и Потапенко, и всѣ вообще бытописатели нашей духовной жизни. О любви нашего духовенства къ ссорамъ и тяжбамъ рассказываютъ и всѣ наши анекдотисты, и всѣ наши шутники. Въ собственномъ смыслѣ слова, неуживчивость и сутяжничество нашихъ батюшекъ и особенно о.о. дьяконовъ вошли въ притчу и даже въ пѣсню. Это такъ извѣстно, что объ этомъ не слѣдуетъ и говорить. Но стоитъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что ссоры и кляузничество нашего духовенства, что вся эта нехорошая канитель поднимаются обыкновенно изъ-за вещей, буквально не стоящихъ выѣденнаго яйца, изъ за-пустяковъ, на которыхъ органически невозможно остановиться сколько-нибудь и чѣмъ-нибудь занятой мысли: изъ-за курицы, перешедшей съ дьяконовскаго двора на поповскій и снесшей тамъ свое яйцо, изъ-за воображаемой неправильности въ дѣлѣжъ между членами причта грошовыхъ лепешекъ, полученныхъ за панихиду, изъ-за непровѣренныхъ и вздорныхъ сплетенъ и т. под. Начинается ссора изъ-за смѣшного, но на продолженіи своемъ становится серьезной, страшной, бурной, раздраженной и открытой. Здѣсь не умѣютъ сдерживать себя, или «властвовать собою», и не привыкли съ чѣмъ-либо считаться и такъ или иначе дорожить общественнымъ мнѣніемъ. Обыкновенно священникъ или дьяконъ съ обидой своей или со своимъ гнѣвомъ въ буквальномъ и въ метафорическомъ смыслѣ слова идутъ на площадь, демонстрируютъ свое потѣшное «дѣло» передъ публикой, идутъ въ консисторію, въ судъ, въ газеты, всюду, куда только можно. На дняхъ пришлось слышать не анекдотъ, а былъ о томъ, какъ священникъ и и дьяконъ ѣздили по приходу и собирали хлѣбъ. Лошадь принадлежала священнику, а телѣга—дьякону. Въ разгаръ работы между членами причта произошло какое-то недоразумѣніе, кажется по вопросу о направленіи пути: куда ѣхать—вправо или влѣво? Что, собственно говоря, можетъ быть проще такого вопроса? Но для членовъ причта онъ оказался роковымъ. Свя-

щенникъ въ величайшемъ волненіи и съ отчаянной рѣшительностью распрягъ лошадь и верхомъ поѣхалъ на ней домой, а дьяконъ на себѣ повезъ свою телѣгу. . . Пусть смѣется весь честной народъ, пусть падаетъ авторитетъ пастыря, пусть нехорошій примѣръ вредно отражается на паствѣ,— пусть . . . священнику же и дьякону еще мало того, что устроенъ публичный скандалъ, они еще будутъ жаловаться благочинному, указывать свидѣтелей, поѣдутъ въ консисторію, дойдутъ до архіерея, будутъ писать въ газеты, нашумятъ на весь міръ. И вотъ растетъ та «слава» о духовенствѣ, которая не въ честь ему, а въ позоръ и во вредъ. Нѣсколько же дней тому назадъ намъ пришлось бесѣдовать съ однимъ священникомъ, который поѣхалъ въ гсродъ по кляузному дѣлу: какимъ-то путемъ ему удалось узнать, что приходскій псаломщикъ куетъ противъ него ковы, почти безъ всякихъ фактическихъ данныхъ замышляя обвинить его ни болѣе ни менѣе, какъ въ утайкѣ церковныхъ денегъ. Дѣло, какъ очевидно, гнусное, нечистое до низости, до подлости. Но удивительно: священникъ не потрясенъ, не взволнованъ. Онъ только одушевленъ одушевленіемъ спортсмена и, смакуя всѣ детали дѣла, разбирается въ вопросъ: кто выиграетъ— онъ или псаломщикъ? Доносъ псаломщика для него только извѣстный шахматный ходъ партнера, и онъ, какъ завзятый игрокъ, прежде всего занятъ вопросомъ: какъ же итти ему? что предпринять? въ свою очередь донести? Но можно и иначе. Можно, напр., войти въ соглашеніе съ сильными міра и доносъ псаломщика обратить на его же голову. А хорошо бы и донести, тѣмъ болѣе, что въ политическомъ отношеніи противникъ не совсѣмъ благонадеженъ. Пусть прогулялся бы туда, куда Макарь телятъ не гонялъ. Доносъ, такъ доносъ... И такъ далѣе.... Бесѣда со священникомъ продолжалась болѣе часу, и вся она заключалась въ склоненіи существительнаго „доносъ“ и въ спряженіи глагола „доносить“. Что-то вязкое, липкое и противное окутывало мозгъ слушателя, и ему становилось душно до одуренія, до боли.

Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!—сказалъ Гоголь, заканчивая свою повѣсть о безконечной тяжбѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. И, конечно, должна быть скучной жизнь, гдѣ люди десятки лѣтъ ссорятся изъ-за гусака и въ эту ссору вкладываютъ всѣ свои силы, всю энергію, всѣ интересы, всѣ помыслы. Скучна, очевидно, и жизнь нашего духовен-

ства, если оно находить возможным удѣлять слишкомъ много времени и энергіи подкапыванію другъ подъ друга, подглядыванію, ссорамъ, кляузамъ, судбищу. Но ужели жизнь духовенства и должна быть скучной? Ужели пастырское служеніе не захватываетъ лучшихъ и благозвучнѣйшихъ струнь человѣческой души? Ужели въ немъ нѣтъ ничего, на чемъ бы могла съ любовью, съ восторгомъ, съ энтузіазмомъ остановиться благородная мысль или великое желаніе? Думаемъ, что просто нелѣпо ставить такой вопросъ, ибо что можетъ быть выше идеи пастырства по его внутреннему смыслу, и что можетъ быть нужнѣе культурно-просвѣтительной работы нашего пастырства въ данный моментъ? Зачѣмъ же наше духовенство съ легкимъ сердцемъ высокое и священное свое призваніе мѣняетъ на чевичичную похлебку и вмѣсто того, чтобы возглавлять собою жизнь, прячется отъ нея за кулисы, предпочитая идейному учительству будничную пошлость съ ея сплетнями, ссорами, тяжбами, кляузничествомъ. Самъ собою напрашивается вопросъ: сознательно ли устанавливается у насъ такой порядокъ вещей, и если несознательно, то не пора ли намъ сознать—кто мы, и чѣмъ мы должны заниматься?

Что для духовенства возможна и болѣе серьезная, и болѣе содержательная жизнь, чѣмъ та, какую оно въ очень частыхъ случаяхъ ведетъ теперь,—это едвали можетъ подлежать сомнѣнію. Подтвержденіемъ этого можетъ служить столичное духовенство и духовенство нашихъ большихъ городовъ. Здѣсь не слышно споровъ и скандаловъ изъ-за вещей, не заслуживающихъ названія. Столичные консисторіи заняты какими угодно дѣлами, но только не кляузными. Эти дѣла идутъ здѣсь въ меньшинствѣ. Причины этого очень понятны. У духовенства большихъ городовъ шире кругъ интересовъ. Съ любовью и увлеченіемъ отдаваясь своему дѣлу, они находятъ возможнымъ интенсифицировать работу надъ своимъ призваніемъ до степени пламеннаго горѣнія. Въ печать часто проникаютъ извѣстія о томъ, какъ приходы большихъ городовъ чествуютъ своихъ батюшекъ, даря ихъ признательностью, матеріальной поддержкой, дорогими подношеніями. Культурное и сравнительно слабо въ-рующее общество большихъ городовъ выдѣляетъ изъ себя служителей Божіихъ, какъ стоящихъ выше себя и тверже себя. *Высота* же этого пастырскаго стоянія прежде всего выражается въ томъ, что столичные пастыри умѣютъ мелочи и дрязги жи-
з-

ни оставлять *ниже* своего вниманія, находя достойную для своего духа пищу въ томъ, что есть «едино на потребу». Почему же не подражаетъ стоящимъ на верху наше сельское духовенство? Забѣдаетъ среда? Но это объясненіе духовнаго разслабленія и духовной дряблости настолько захватано и такъ опошлено, что представляется уже не объясненіемъ зла, а лѣнивымъ потворствомъ ему. Конечно, полудикая деревенская среда должна извѣстнымъ образомъ вліять на сельскаго батюшку. Но вѣдь батюшка идетъ въ деревню не для того, чтобы опускаться до уровня общественной среды, а для того, чтобы до собственнаго уровня поднимать самую эту среду? На выработку въ батюшкѣ культурной стойкости затрачивается такая большая сумма труда, энергіи, времени... Ужели безрезультатно? Какая высокая задача доказать противное.

Н. К.